

Содержание

От редколлегии	6
Предисловие (И. Б. Иткин)	7
Некоторые проблемы порядка слов в истории русского языка (18 ноября 2005 г.)	14
Об исторической лингвистике (12 декабря 2008 г.)	50
Об исторической лингвистике (продолжение) (5 февраля 2010 г.)	92
О языке Древней Индии (11 февраля 2011 г.)	132
Об истории русского языка (24 февраля 2012 г.)	176
Языки мира: арабский (11 февраля 2013 г.)	210
Из русского ударения (17 февраля 2014 г.)	236
Из рассказов о берестяных грамотах (13 февраля 2015 г.)	272
О жизни слов (12 февраля 2016 г.)	322
Или и уже (13 февраля 2017 г.)	360
Предметный и именной указатель	393
Указатель языков	402
Указатель слов	407

От редколлегии

В основу публикации лекций положены авторизованные А. А. Зализняком расшифровки аудиозаписей, сделанные в школе «Муми-Тролль» под руководством Елены Ивановны Лебедевой (в то время — преподавателя школы, инициатора и организатора лекций) и размещенные на сайте «Элементы большой науки» (elementy.ru). Используются иллюстрации с сайта elementy.ru: визуальные материалы, подготовленные к лекциям А. А. Зализняком, и фотографии, сделанные во время лекций. В ряде случаев тексты снабжены дополнительными иллюстрациями, в том числе воспроизведением записей, сделанных на доске во время лекций (отмечены вертикальной чертой слева от текста), а также подстрочными комментариями. В конце книги помещены указатели, составленные Анной А. Зализняк (с использованием материалов С. А. Крылова).

Редколлегия выражает искреннюю благодарность Дмитрию Владимировичу Сичинаве, Александру Чедовичу Пиперски и Алексею Кирилловичу Кулыгину за существенную помощь при подготовке книги. Часть фотографий предоставлена из архивов, установить авторов не представилось возможным.

Предисловие

Идея пригласить Андрея Анатольевича Зализняка прочитать лекцию в школе «Муми-Троль» принадлежала Елене Ивановне Лебедевой. Ученый-историк, специалист по XVIII веку, Елена Ивановна много лет преподавала в «Муми-Тролле» историю и обществознание, но никогда не ограничивалась ролью учителя-предметника, неизменно вовлекая и учеников, и взрослых коллег в самые разные захватывающе интересные проекты.

Идея эта возникла у Елены Ивановны, конечно, не случайно. С давних пор в «Муми-Тролле» работал лекторий: в специально отведенное время все желающие собирались, чтобы послушать лекцию о какой-то научной проблеме. Среди лекторов были и студенты, и начинающие исследователи, и авторитетные, уже полностью состоявшиеся ученые... А раз так, почему бы не попробовать позвать Андрея Анатольевича?

Кажется, на тот момент я единственный из сотрудников «Муми-Троля» был знаком с Андреем Анатольевичем лично, так что почетная обязанность попытаться счастья была ожидаемо возложена на меня. Начало разговора в памяти не сохранилось: верный знак, что он сложился легко. Хорошо помню зато,

как с помощью специального скандирующего произношения я сумел успешно задать заготовленный вопрос «Вас отве^{сти} или отве^{зти}?» (при обычном-то произношении звучит одинаково!). Узнав, что школа находится в десяти минутах ходьбы от его дома, Андрей Анатольевич рассмеялся и махнул рукой: «Конечно, отвести». Не исключено, что, территориальная близость оказала здесь какое-то влияние, но, думаю, не очень существенное — иначе вряд ли стали бы возможны лекции на Летней лингвистической школе, которая проводится не в Москве.

Во время одной из следующих встреч Андрей Анатольевич предупредил: «Я буду говорить не о берестяных грамотах». Смысл этого уточнения был вполне очевиден: в 2005 году для «широкой публики» фамилия «Зализняк» ассоциировалась почти исключительно с ежегодными лекциями в МГУ о новгородских берестяных грамотах. Что же, тем интереснее. Возникла даже легкая интрига: ...а о чем? Еще чуть позже появилось и название: «Некоторые проблемы порядка слов в истории русского языка». Такое название, если угодно, заключало в себе своего рода вызов. Про берестяные грамоты каждый что-нибудь да слышал; это, можно сказать, визитная карточка Древней Руси. Они составляют предмет неослабевающего любопытства той самой «широкой публики», о них пишут в газетах и лентах новостей. А здесь — совершенно «техническая» тема, на первый взгляд больше уместная для какого-нибудь специализированного семинара. «Проблемы порядка слов» — для старшеклассников общеобразовательной школы? Неужели такое возможно?

Лекция состоялась 18 ноября 2005 года. И...

Во-первых и главных, разумеется, «все всё поняли»: и пришедшие профессиональные лингвисты, и взрослые-нелингвисты, и старшеклассники... Да что старшеклассники: в числе слушателей оказался мой старший сын (ни тогда, ни в дальнейшем не выказывавший ни малейшей склонности заниматься лингвистикой). На вопрос, о чем была сегодняшняя лекция,

он ответил что-то вполне вразумительное — «про маленькие хитрые словечки». Сейчас, сопоставляя даты, я с изумлением понял, что в ноябре 2005 года Саше не исполнилось и пяти лет.

Во-вторых, из этой лекции многие коллеги Андрея Анатольевича узнали, что он работает над сложной и увлекательной проблемой употребления энклитик (безударных слов, прежде всего частиц, типа *ли, же, то* и так далее) в древнерусском языке. Результатом этой работы стала вышедшая в 2008 году книга «Древнерусские энклитики».

В-третьих, на этой лекции преподаватель французского языка в «Муми-Тролле» Мария Александровна Смирнова сделала одну из самых замечательных фотографий Зализняка (см. с. 33). И дело не только в ее художественных достоинствах. На этой фотографии Андрей Анатольевич стоит у доски, на которой написаны всего две коротенькие древнерусские фразы:

1. оуже есмь пошелъ,
2. оуже пошелъ есмь.

И написаны они там вовсе не для того, чтобы проиллюстрировать тезис о «свободном порядке слов» в древнерусском языке: дескать, и так можно было, и так. Совсем наоборот: изучив огромное количество памятников, Андрей Анатольевич выдвинул гипотезу о том, что между фразами типа 1 и фразами типа 2 имелось тонкое, но тем не менее вполне отчетливое различие в значении (в чем именно оно предположительно состояло, можно прочитать на с. 32–34).

В-четвертых, таким образом была заложена традиция лекций Андрея Анатольевича Зализняка в школе «Муми-Троллъ». Вторая лекция состоялась 12 декабря 2008 года, а все остальные приходятся на февраль. Это опять-таки не случайно: уже больше двадцати лет в середине третьей четверти в «Муми-Тролле» проводится замечательное мероприятие — Фестиваль интеллектуального любопытства. С 2010 по 2017 год (8 лет без

единого перерыва!) лекция Андрея Анатольевича была одним из главных и самых ожидаемых событий Фестиваля, неизменно собиравшим множество гостей самого разного возраста и статуса.

Наконец, в-пятых, именно в тот день, по сути дела, возникла еще одна традиция. После лекций в «Муми-Тролле» принято приглашать лекторов на чаепитие. Несмотря на то, что лекция действительно была «не о берестяных грамотах» (точнее, далеко не только о берестяных грамотах), за чаем разговор не мог не зайти как раз о них. Андрей Анатольевич стал рассказывать о Новгородской археологической экспедиции. И пока он рассказывал, у многих его слушателей — и преподавателей, и школьников — словно бы сама собой возникла одна и та же мысль: «Надо обязательно поехать!» Поехать получилось. Потом еще раз. И еще... Так в «Муми-Тролле» появилась летняя археологическая практика в Новгороде. В жизни некоторых муми-тролляцев эта практика сыграла очень важную роль, далеко выходящую за рамки собственно участия в раскопках. А фонд берестяных грамот благодаря находкам муми-тролляцкого отряда пополнился несколькими ценными экземплярами. И лекцию, целиком посвященную берестяным грамотам, Зализняк в «Муми-Тролле» все-таки прочитал — почти десять лет спустя, в феврале 2015 года. В этом цикле она стала восьмой по счету.

А тогда, после первой лекции, Андрей Анатольевич в высшей степени деликатно, но решительно отказался от причитающегося ему гонорара, зато с удовольствием принял собственноручно изготовленный кем-то из муми-тролляцев сувенир (кажется, это была сумка с изображением муми-тролля). Такого рода сувениры мы старались вручать ему и в дальнейшем.

Мне не раз доводилось слышать от самых разных людей удивленные комментарии по поводу того, как охотно Андрей

Анатолевич читал лекции для неподготовленной аудитории, в том числе для школьников («Неужели великий ученый готов был тратить свое время?..» — прямо или косвенно звучало в их недоуменных вопросах). Мне такая реакция казалась и кажется странной. Андрей Анатолевич любил преподавать; если я правильно понимаю, эта любовь проявилась у него еще в ранней молодости. Кроме того, он считал чрезвычайно важной, в том числе важной лично для себя, популяризацию научных знаний. Лучше всего об этом свидетельствует его книга «Из заметок о любительской лингвистике»¹ — эта книга ведь не что иное, как выдающееся изложение для неспециалистов основ методологии подлинно научной лингвистики в противовес сочинениям агрессивных невежд. У меня (конечно, это ощущения человека, знавшего Андрея Анатолевича совсем не близко) сложилось даже впечатление, что читать университетские курсы и лекции «для всех желающих» он любил едва ли не больше, чем делать доклады, рассчитанные только на коллег. Во всяком случае, в тот период, о котором я имею возможность судить (1990–2010-е годы), с чисто научными докладами Андрей Анатолевич выступал сравнительно редко — значительно реже многих других ученых и уж точно значительно реже, чем мог бы, учитывая количество совершаемых им блистательных открытий.

Меня удивляло другое — те самые чаепития. Андрей Анатолевич, как правило (может быть, не во всех случаях, но так было не раз), соглашался принять в них участие. Шел вместе со своими слушателями в крохотную комнатку, садился за стол... Но ведь согласиться можно по-разному. Выпить глоток чая, отломить кусочек печенья — и вежливо попрощаться, сославшись на неотложные дела: уж наверное, у него их хватало. Андрей Анатолевич проводил с нами за чаем по тридцать,

¹ Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский мир, 2010; 2-е изд.: М.: Альпина нон-фикшн, 2023. — Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.

иногда и по сорок минут. Отвечал на наивные, а порой, будем откровенны, просто дурацкие вопросы присутствующих (вовсе не обязательно это были вопросы «про лингвистику»), ни разу не проявив не то что раздражения или нетерпения, а даже малейшей досады. Рассказывал забавные истории (как сейчас помню эффектную миниатюру про Антуана Мейе², который после лекции в каком-то университете в Германии не смог самостоятельно купить билет до Парижа, потому что не знал, как по-немецки объясниться с кассиром), заразительно смеялся своим и чужим шуткам. Ему было интересно. Ему нравилось. И он совершенно не считал это время для себя потерянным.

Насколько мне известно, Андрей Анатольевич Зализняк никогда не называл себя приверженцем той или иной научной теории. Его работы, в том числе самые поздние, дают основания полагать, что он навсегда остался верен классическому структурализму шестидесятых годов XX века; но об этом пусть судят специалисты. Между тем за шесть с небольшим десятилетий, в течение которых продолжалась научная деятельность Зализняка, в лингвистике появилось множество самых разнообразных теорий: «генеративная грамматика», «референциально-ролевая грамматика», «категориальная грамматика», «грамматика конструкций», «порождающая семантика», «наносинтаксис», «распределенная морфология», «естественная фонология», «автосегментная фонология», «теория оптимальности»... Некоторые из этих теорий сейчас уже прочно забыты, другие, напротив, находятся на гребне популярности, но у меня нет никаких сомнений, что в дальнейшем

² Антуан Мейе (1866–1936) — французский лингвист, крупнейший специалист по индоевропейскому языкознанию. В 1956–1957 гг. Зализняк в Париже изучал санскрит под руководством Луи Рену (1896–1966), который в молодости был учеником Мейе.

их ждет та же участь. О том, чтобы за несколько минут объяснить неподготовленному слушателю, тем более школьнику, основные положения этих теорий, конечно, нечего и думать. Этот упрек может показаться странным: никто же не требует, чтобы школьникам были понятны, допустим, основные положения современной квантовой физики. Но лингвистика — не квантовая физика; лингвистика в основе своей — очень простая наука. Это становится совершенно очевидным, если заниматься лингвистикой и рассказывать о ней так, как это делал Андрей Анатольевич Зализняк. А для этого, в свою очередь, есть всего одно необходимое и достаточное условие: быть Зализняком.

*Илья Иткин,
преподаватель школы
«Муми-Тролль» в 1999–2016 гг.*

Некоторые проблемы порядка слов в истории русского языка

Судя по тому, что я прочел у вас на стене¹, вы знакомитесь решительно со всеми науками и другими знаниями человечества. Так что я не буду бояться вам говорить в том числе и о специальных вещах, поскольку широта ваших интересов очень велика. Она захватит, я надеюсь, и лингвистические вопросы, о которых мы поговорим сегодня.

Рассказ будет о некоторых явлениях из истории порядка слов в русском языке, или, более точно, о поведении маленьких словечек, которые называются *энклитиками*. Слово *энклитики* вы имеете право не знать, я его поясню, как, впрочем, и несколько других терминов, которые нам понадобятся. Сразу скажу, что это такой раздел истории русского языка и современной грамматики, на который совершенно недостаточно обращается внимание. Соответствующего раздела пока, к сожалению, нет или почти нет в классических изложениях истории

¹ «На стене», т.е. на специальном стенде в школьном коридоре, размещались сообщения о проводившихся в школе «Муми-Троль» лекциях, тематика которых была самой разнообразной: история, биология, физика, литературоведение, психология и др.

русского языка и грамматики современного русского языка. Между тем это существенный элемент механизма языка. Вот о нем мы и поговорим.

Сначала несколько предварительных пояснений относительно терминов, которые нам понадобятся. Прежде всего, что такое энклитики. Слова любого языка, и русского в частности, подразделяются на два очень неравных класса: нормальные слова и слова безударные, то есть которые либо никогда, либо в большинстве случаев не имеют ударения.

Как это может быть, чтобы безударное слово вообще существовало? Очень просто: оно примыкает, «прилипает» в речи к своему соседу — правому или левому. Например, предлог *на* сам по себе не имеет ударения, кроме случаев, когда вы именно его берете как слово, о котором хотите спросить: «Где у вас предлог *на*?» Тогда, конечно, вы произнесете *на* с ударением. Но в таком случае это уже не предлог *на*, а существительное *на*, которое является именем предлога *на*. А предлог как таковой будет безударным: *на дело*, *на двóр* и так далее.

Правда, вы быстро мне укажете, что в русском языке иногда бывают случаи, когда всё-таки *на* несет ударение. Можете указать?

Из зала: *На́ голову*.

А. З.: Совершенно верно, в русском языке встречаются такие словосочетания, как *на́ голову*, *на́ стену* и т. п. В принципе такое бывает, но всё же сравнительно редко. В громадном большинстве случаев *на* будет безударным. Из этого примера ясно, что, вообще говоря, безударные слова безударны не всегда, а в большинстве случаев. По крайней мере в русском языке это так.

Ну вот, эти маленькие безударные словечки, обычно односложные или двусложные, называются клитиками. Это греческое слово от глагола κλίνω (*клино*) «наклоняю, наклоняюсь». Кстати, это тот же самый корень, что и у русского слова *клониться*, только гласная другая: *клино*. То есть это такие

«наклоняющиеся» к своему соседу слова. Они делятся на *проклитики* и *энклитики*. Те, которые «наклоняются» вперед (греч. *προκλίνω* [*про-клино*]), — называются *проклитиками*. Вперед — значит вперед по ходу фразы, то есть направо, если в записи. Следовательно, *на* в нормальном случае — проклитика. Отрицательная частица *не* — тоже проклитика. В сочетаниях *не я, не человек, не дерево* частица *не* везде безударна и примыкает в произношении к следующему слову.

Другая часть клитик «наклоняется» в противоположную сторону и называется *энклитиками*. Они «наклоняются» влево (на письме), назад по ходу фразы. Греческое *эн*, строго говоря, не значит «назад», но в данном случае это уже закрепившийся термин. Любая энклитика, например русское *то*, примыкает к предшествующему слову: *кто-то, где-то, зачем-то* и т. д.

Вместе с полноударным словом, то есть нормальным в смысле ударения, клитики составляют то, что называют *фонетическим словом*. Фонетическое слово отличается от слова в обычном смысле тем, что включает не только главный свой элемент — полноударное слово, но и все «прилипшие» к нему слева и справа клитики. Например, слово *говорил* — это обычное полноударное слово. А если я скажу *и не говорил бы* — это будет фонетическое слово. Тут четыре слова, но из них ударное только одно: *говорил*, а при нем имеются спереди две проклитики: *и, не* — и сзади одна энклитика: *бы*. Фонетическое слово имеет единое ударение, это его главная характеристика. Этим своим единым ударением оно обслуживает и главное слово, и все «прилипшие» к нему клитики.

Уже из этого примера видно, что может быть и не одна клитика, а две-три; в интересных случаях может быть и больше. Например: *да не при людях же!* Можете посчитать: *да, не, при* — подряд стоят три проклитики, *людях* — слово с нормальным ударением, *же* — энклитика. Это примеры фонетических слов. Как синоним термина *фонетическое слово* лингвисты могут употреблять также наименование *тактовая группа*. Так что

будем считать, что это одно и то же — можно сказать и так, и так. Вот главные понятия, которыми надо располагать до нашего рассказа, они достаточно просты.

Из клитик сегодня меня будут интересовать именно энклитики, то есть слова, стоящие сзади соответствующего главного слова: такие, как *то*, *нибудь*, *же* и т. п.

На всякий случай уточним, какие вообще слова бывают клитиками. Это в основном служебные слова.

Проклитики — это предлоги: *на*, *за*, *у*, *до* и так далее; отрицание *не*; союзы: *а*, *и*.

Из энклитик наиболее прозрачны и ясны те, которые стоят в местоимениях типа *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто-либо*. Вот эти *то*, *нибудь*, *либо*, *же* и есть самые характерные примеры энклитик. Конечно, это не полный список. Но, заметьте, в любом языке список клитик очень ограничен. Он может быть немного больше, немного меньше, но за несколько десятков никогда не выйдет. В современном русском языке клитик около трех десятков. В древнерусском их было несколько больше. Состав клитик в древнерусском языке несколько отличается от современного, об этом отчасти и будет наш рассказ.

Каким образом весь этот разговор о клитиках, и в частности об энклитиках, связан с порядком слов? Оказывается, что связан очень тесно. Вы все, конечно, слышали и, может быть, усвоили такую ходячую истину, что в русском языке свободный порядок слов. Грубо говоря, это верно. Если сравнивать русский с английским или с французским, то, конечно, это окажется именно так. Но вовсе не верно, что порядок слов здесь действительно всегда совершенно свободен.

Дело в том, что в русском языке законы порядка слов регулируются несравненно более сложными правилами, чем в том же английском. В английском действует закон, что подлежащее сперва, сказуемое потом, а в вопросе их надо переставить. Тут все правила порядка слов вы изучаете практически за один день. А по-русски в действительности порядок слов во многих

случаях управляется тонкими закономерностями, к сожалению, далеко не полностью еще лингвистами описанными. Это такая область, в которой еще много работы надо провести.

И, в частности, один из элементов, где порядок слов не является свободным, — это как раз расположение энклитик. Это такая зона, где даже в языках с так называемым свободным порядком слов имеются совершенно определенные правила. Повторю, что, к сожалению, для современного русского языка эта тема пока достаточного внимания не привлекла, и в курсах русского языка вы хорошего изложения этого вопроса не найдете. То же верно и для древнерусского².

Забегая вперед, скажу, что много нового по этому вопросу обнаружилось при изучении берестяных грамот. В частности, сам факт, что в древнерусском языке действует очень четкий механизм энклитик и с ними связаны жесткие правила порядка слов, по-настоящему выяснился, именно когда накопился достаточно большой фонд берестяных грамот. Потому что ни в каком другом источнике данных по истории русского языка с такой регулярностью не проявляется механизм живой речи.

Теперь немного подробнее о технике. Энклитики по смыслу могут быть двух сортов. Одни относятся к конкретному слову, например русское *то*: *где-то*, *кто-то*, *куда-то*. Они представляют собой некоторое уточнение предшествующего слова. Другие имеют более общее значение и относятся к фразе в целом. Или, если говорить более техническим языком, относятся к сказуемому как центру фразы. Это, например, частицы *же* или *бы* для современного русского языка. Даже если такое слово стоит очень далеко от глагола, оно всё равно относится по смыслу именно к нему, например: *я бы никогда ни при каких условиях*

² Общая история энклитик в древнерусском языке изложена в книге: Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

ни за что этого не сказал. От бы до сказал огромное расстояние, и тем не менее, как вы понимаете, *бы* относится к сказуемому. Оно переводит всю фразу из изъявительного наклонения в сослагательное. Тем самым уточняется смысл фразы в целом.

Соответственно, мы будем говорить об энклитиках локальных, которые относятся к соседнему слову (предшествующему), и об энклитиках фразовых, которые относятся к фразе в целом. Повторяю, что на самом деле технически — к сказуемому. Интересовать нас будут именно фразовые энклитики, потому что с ними связаны наиболее интересные закономерности.

Для того чтобы описать место локальной энклитики, достаточно одной фразы: она стоит после своего подчиняющего слова. Этим всё сказано. Гораздо сложнее описать, как расставляются во фразе энклитики фразовые. Уже тот пример, который я привел, показывает, что *бы* может уходить от своего глагола чрезвычайно далеко. Тут нет простого правила — перед глаголом или после него. В каких-то случаях энклитика действительно будет стоять по соседству с глаголом, например: *говорил бы*. Но может оказаться и так, что *бы* от этого *говорил* отлетит на огромное расстояние.

Итак, речь пойдет как раз о расстановке во фразе фразовых энклитик.

Здесь мне придется дать еще одно терминологическое пояснение, а дальше можно уже приступать собственно к правилу. К сожалению, в синтаксисе нет хорошего устойчивого термина для одного важного понятия, которое на самом деле нужно на каждом шагу. В каких-то случаях традиция обслуживает такие потребности, а в каких-то — обнаруживается недостающее звено, некоторая пустая клетка.

Вы знаете, что предложения бывают простые и сложные. Сложные предложения бывают сложносочиненные и сложноподчиненные. Если предложение сложноподчиненное, то в нем вы выделяете главное предложение и придаточное предложение. Всё это так. Однако терминологически неудобно, когда

у вас предложением называется и целое, и каждая из частей целого. В ряде случаев очень полезно иметь термин для обозначения простого предложения, употребленного либо самостоятельно, либо в составе более сложного комплекса.

Казалось бы, это очень простая идея, но, увы, синтаксис, по крайней мере в русской традиции, такого устойчивого названия не имеет. Английская традиция лучше, там это можно назвать *clause*, хотя всё-таки *clause* редко применяется к простому предложению. Поэтому это почти хорошо, но всё же не совсем. Пытаясь всё-таки выйти из этого положения и как-то назвать эту единицу, я иногда буду употреблять для этого слово *клауза*. Некоторые лингвисты его уже употребляют, но это не очень распространено. Это просто калька с английского или, если угодно, с латыни, откуда и сам английский получил это слово. Оно обозначает, повторяю, грубо говоря, простое предложение или само по себе, или в составе более сложного комплекса: сложноподчиненного или сложносочиненного предложения. Впрочем, я буду позволять себе иногда говорить просто *фраза* там, где большой разницы между *клаузой* и *фразой* нет, чтобы не настаивать на том, что в тот момент не будет меня особенно интересовать. Вот, пожалуй, всё, что мне нужно было сказать предварительно.

Теперь мы можем поговорить о сути того правила, которое связывает энклитики с порядком слов.

На рубеже XIX–XX веков знаменитый немецкий синтаксист Якоб Вакернагель, анализируя порядок слов в греческом языке и санскрите, открыл закономерность, которая с тех пор получила его имя и сейчас носит название *закон Вакернагеля*. Тогда такого рода правила принято было очень красиво называть «законом», и это связывалось с человеком. Одному человеку ставят памятник где-нибудь на родине, а другому — еще более замечательный памятник, который состоит в том, что до скончания веков люди изучают закон с его именем — в данном случае закон

Вакернагеля. Потому что закон этот действительно совершенно замечательный, прекрасно действующий и очень простой.

Закон Вакернагеля гласит: фразовые энклитики в древних индоевропейских языках (он имел тогда в виду санскрит и греческий) располагаются в конце первой тактовой группы клаузы. Он не говорил *клауза*, он говорил просто *фраза*, но в данном случае я предлагаю вам современное изложение. Если пренебречь некоторыми деталями, можно сказать и грубее: энклитики располагаются после первого ударного слова клаузы. Это огрубление чуть-чуть не всегда будет верным, но для нас сейчас достаточно и этого.

Иногда то же самое формулируют чуть иначе: что энклитики располагаются на втором месте в предложении. Эта формулировка несколько менее удобна, поскольку требует уточнения того, что считать единым местом.

Но если считать тактовые группы, то энклитики просто входят в первую тактовую группу, составляя ее хвост, ее конечную часть. Например: *я же ведь вам говорил!* Первая тактовая группа состоит из *я*, за которым идут все энклитики: *же, ведь*, скапливающиеся вместе.

Правда, современный русский язык не слишком хорош для иллюстрации закона Вакернагеля. Примеры из него я буду приводить просто потому, что они вам ближе. В действительности в современном русском языке остались только следы старой, хорошо действовавшей системы закона Вакернагеля. Лучше всего эти следы проявляются в отношении частицы *же*.

Только обращаю ваше внимание на то, что в русском языке не одно *же*, а как минимум два, а может быть, и больше. Нам нужно различать два: *же* противительное и *же* отождествительное. Первое *же*, противительное (как в *я же вам говорил*), — вакернагелевское. Это фразовая энклитика.

Но есть и другое *же*, отождествительное (как в *такое же, тот же самый, там же, к тому же*), — это локальная энклитика. Мы сейчас с трудом различаем эти два *же*. Но на самом

деле они совершенно разного происхождения. По-старославянски одно из них *же*, а другое *жде*, так что это просто чистое совпадение двух разных единиц. Они и ведут себя до сих пор совершенно по-разному.

Же отождествительное может оказаться во фразе (вместе с подчиняющим словом) где угодно. Скажем, слово *такой же* может стоять в любом месте фразы, хоть на десять слов от начала. А вот противительное *же* стоит на втором месте. Больше того, это второе место настолько обязательно, что хороший русский язык, вообще говоря, до сих пор требует, например, такой фразы: *Иван же Петрович не согласен*. Энклитика внедряется внутрь даже такой, казалось бы, крепкой единицы, как *Иван Петрович*. Вы скажете: я могу сказать и *Иван Петрович же не согласен*. Верно. Современный русский язык такое уже допускает, хотя это звучит хуже. Всё-таки красивый русский язык и сейчас требует того, чтобы говорить: *Иван же Петрович на это никогда не согласится*. Уступки типа того, что можно сказать *Иван Петрович же*, — это элементы разложения старого механизма. Старый же механизм был совершенно жесткий: можно было сказать только *Иван же Петрович*, и никуда больше *же* поставить было нельзя.

Древнерусский язык в этом смысле гораздо последовательнее, чем современный, и об этом как раз у нас пойдет речь: что происходило при переходе от древнерусского к современному.

Якоб Вакернагель славянские языки к своему исследованию не привлекал. Позже заметили, что и в славянских языках его закон действует, но имелся в виду не русский язык. Скажем, в сербском, действительно, механизм Вакернагеля до сих пор работает довольно хорошо. А про русский язык считалось, что он ко всему этому никакого отношения не имеет. Больше того, в силу ложной индукции считалось, что и в древнерусском языке положение было такое же.

Сейчас мы уже твердо знаем, что неверно как первое, так и второе. Прежде всего, как выяснилось относительно недавно,

закон Вакернагеля работает очень хорошо в древнерусском языке. И следы его сохраняются, по крайней мере частично, и в современном русском языке.

Правда, большой вины на лингвистах, что они этого не заметили, не лежит, поскольку для древнерусского языка заметить это без берестяных грамот было очень трудно. Лишь после того, как берестяные грамоты уже составили достаточно большой фонд, по которому можно было делать выводы, стало ясно, что в древнерусском языке закон Вакернагеля работает не хуже, чем в греческом или в санскрите. И, как обычно бывает в таких случаях, как только это было установлено на материале, где это ясно видно, обнаружилось, что, вообще говоря, есть и другие, давным-давно известные памятники, где этот закон тоже работает. Они тоже представляют собой хороший материал, но этого никто не замечал в силу того, что они как-то рассеяны среди других памятников. Это обычная вещь: когда что-то открыто на чистом примере, потом выясняется, что есть и другие точки, где это правило может работать.

Сейчас мы знаем, что чем ближе древнерусский текст к живой речи, тем надежнее там работает этот механизм. Наоборот, чем дальше текст от живой речи, чем он искусственнее, чем более он церковный, литературный и книжный, тем хуже там будет соблюдаться закон Вакернагеля.

Я вам сейчас приведу кое-какие примеры из не очень древнего русского языка, но в котором механизм энклитик вы заметите сразу.

Речь идет о такой энклитике, которая существует и сейчас, но считается не вполне литературной. Это энклитика *де*, которая служит (наряду с *мол*) для передачи чужой речи. Строго говоря, литературный русский язык это *де* допускает, но лишь в определенных количественных рамках. А, скажем, в текстах XVI–XVII веков мы находим примеры почти безграничного употребления этого *де*. Более того, если записывается чужая речь, то просто обязательно вставляется это *де*, причем вставляется

строго по закону Вакернагеля. Например, если протоколируется судебная запись расспроса или допроса какого-нибудь лица. Всё, что человек говорит, нельзя было записывать прямо, нужно было каждый раз показать, что это чужая речь.

Приведу вам такой пример:

И он, Лаврюшка, в допросе своем сказал...

Казалось бы, сейчас мы открыли бы кавычки и прямо всю речь этого Лаврюшки привели, как она была. А вот в документе XVII века такое было невозможно, и запись выглядит так:

В нынешнем-де, в 198-м году (198-й³ в переводе на наше летоисчисление — это 1690 год, начало правления Петра), месяца июля против 6-го числа, ночью шел я, Лаврюшка, пьян, в селе Слободке по улице от крестьянина от Карпа Романова того же села к крестьянину Семену Фомину в гости пиво пить (он уже пьян, но тем не менее!). И ходит-де по улице ягненок (ходит-де, слышите? Вакернагелевскую точку фразы чувствуете?), и я-де его поймал, а нес куда, того-де я не помню, потому что я был пьян. И попонеси-де я его, и пустил тут же на улицу. А взяли-де меня того села Слободки сотские и десятичные крестьяне у него, у Семена Фомина⁴. Вот так выглядит протокол о незаконном поимании чужого барана.

В текстах протопопа Аввакума, если передается чужая речь, то совершенно автоматически включается *де*. Скажем, рассказ о том, как ругал протопопа воевода Пашков, приставленный к нему: *Еретик-де ты! Для-де тебя дощеник худо идет!*

Для-де тебя — следовательно, для составляло в это время еще самостоятельное по ударению слово. *Дощеник* — это судно дощаное, речное, на котором они плывут. *Еретик-де ты! Для-де тебя дощеник худо идет! Поди-де по горам, а с казаками не ходи.*

³ В цитируемом документе имеется в виду 7198 год по старому летоисчислению.

⁴ Цитируемый текст опубликован в: Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 211.

Не буду вам дальше читать, у нас не так много времени, но если вы этот текст возьмете, там *де* будет стоять строго по Вакернагелю практически в каждой фразе, с автоматизмом совершенно замечательным.

Поскольку закон Вакернагеля требует, чтобы все энклитики были на втором месте, они, естественно, должны скапливаться. То есть, если их несколько, они образуют блок, единую цепочку. Скажем, то же самое *де* из того же Аввакума: *опосле на меня, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?»* В этом *ль-де*, соответственно, *ль* — первая энклитика, *де* — вторая энклитика; они соединились вместе.

Из летописи XII века: *чем ти ся есмь обещал, то ти исполню*. Поясняю: при перестановке слов было бы *чем я тебе обещался* (старое управление: не *что я тебе обещал*, как мы сейчас сказали бы, а именно *чем я тебе обещался*). Но *ся* от *обещал* отлетело, поскольку в древности это всё еще была свободная энклитика. Получается: *чем ти ся есмь*. Здесь три энклитики: *ти* «тебе», *ся* «себя», *есмь* — это связка первого лица, необходимая в древности для прошедшего времени типа *обещал*. *Чем ти ся есмь обещал* — три энклитики подряд стоят после начального *чем*. Строго по Вакернагелю, идеально: *чем* — ударное слово, и *чём ти ся есмь*, конечно, произносилось с одним ударением.

Таким образом, энклитики выстраиваются в единую цепочку, соединяются в блок. И тогда, естественно, возникает вопрос: а внутри этого блока они могут стоять в произвольном порядке или нет? Оказывается, нет. В любом языке, где соблюдается закон Вакернагеля, соединение энклитик друг с другом, когда они скапливаются, строго подчиняется так называемому правилу рангов.

Ранг — это лингвистическое понятие для обозначения того, какая единица будет поставлена левее, какая правее. Правило состоит в том, что если слово первого ранга, то оно должно быть самым первым, второго ранга — за ним, затем третьего

ранга и так далее. А если они встречаются с пропуском — скажем, первый ранг и пятый, — то первый левее, пятый правее. Иначе говоря, всякая единица стоит правее любой другой единицы младшего ранга.

Тем самым, следовательно, для языка с законом Вакернагеля может быть установлено правило рангов — просто выписано, какие имеются ранги. Для древнерусского устанавливается по крайней мере восемь рангов. Я могу их назвать.

Ранг номер один для древнерусского языка, то есть случай самой тесной связи с ударным словом, составляет частица *же*. То самое знаменитое *же*, с которого мы начали разговор. Конечно, противительное *же* (или соединительное), но не отождествительное. Отождествительное *же* в древнерусском, как и сейчас, — это не фразовая частица, а локальная.

Дальше идет частица *ли*, которая и сейчас жива.

За ней — *бо* («ибо, потому что»). Этого слова в современном языке нет, оно со временем исчезло, но в древнерусском оно активно употреблялось.

Дальше идет частица *ти*, которая тоже исчезла. Ее достаточно трудно перевести, что-то типа «ведь» или «вот ведь».

Дальше идет сохранившаяся до сих пор частица *бы*, это уже пятый ранг.

Дальше идут дательные падежи: *ми* «мне», *ти* «тебе», *си* «себе».

Дальше идут винительные падежи: *мя* «меня», *тя* «тебя», *ся* «себя». *Ся* здесь выступает как частный случай. Это то самое *ся*, которое есть и сейчас, только в совершенно другом качестве.

И, наконец, последний, восьмой ранг — это связки: *есмь*, *еси* и т. д. — слова, которых вы сейчас уже практически не знаете, разве что из исторических сочинений. *Аз* (или *яз*) *есмь* — это соответствует английскому *I am*. *Ты еси* — второе лицо и так далее. Такие связки употреблялись с тем, что мы сейчас называем прошедшим временем, то есть *ты еси обещал* означало то, что сейчас просто — *ты обещал*. Можно было и просто

сказать: *обещал еси* — этого было совершенно достаточно, *еси* показывало, кто именно обещал. Аналогично: *обещал есмь* — это «я обещал», *обещали есме* — это «мы обещали» и т. д. Такова система древнерусского языка.

Современный язык, как вы знаете, эти слова потерял. Так что уже из этого перечисления вы видите, что древнерусский имел много энклитик, ныне отсутствующих. Не говоря о том, что ныне уже нет *бо* и *ти*, нет целого класса: *ми, ти, си* «мне, тебе, себе» — всё это исчезло. *Мя, тя* «меня, тебя» исчезли, *ся* «себя» перестало быть энклитикой, став частью глагола. *Есмь, еси, есме, есте* — вспомогательные формы глагола «быть» типа английских *am, is, are* — тоже исчезли. Так что старая система была гораздо богаче, и, следовательно, там могли быть более обширные и более сложные механизмы, чем сейчас.

- 1) *же* (противительное и усилительное);
- 2) *ли* (частица);
- 3) *бо* (частица);
- 4) *ти* (частица);
- 5) *бы*;
- 6) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;
- 7) местоимения в винительном падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, е, ѣ, ка*;
- 8) связки: *есмь (есми), еси, есмъ (есме, есмо, есмы), есте, есвѣ, еста, есть, суть*⁵.

Приведу несколько примеров. Вот из летописи XII века: *зять ти ся король кланяет*. Речь идет о галицком князе, у которого зятем является не кто иной, как венгерский король. Это всё сообщает гонец, присланный из Венгрии к галицкому князю.

⁵ Приведенный список рангов энклитик взят из книги: Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 28.

Он ему читает формулу: *зять ти ся король кланяет*. Вместо *ся кланяет* сейчас мы сможем сказать только *кланяется*. *Ти* означает «тебе», так что все звенья фразы здесь и в современном русском языке есть. Сейчас мы скажем: *твой* (в древнерусском тексте «твой» не сказано, но подразумевается) *зять король тебе кланяется* — порядок единиц другой, и слова отчасти другие: не *ти*, а *тебе*; *ся* нужно переставить, но все элементы есть. Все элементы есть, но в другом порядке.

Итак, всё рассказанное — это сильнейшее опровержение версии о том, что в русском языке свободный порядок слов. Во-первых, все энклитики должны помещаться на втором месте и ни на каком другом. Во-вторых, внутри себя они строжайшим образом должны идти в порядке рангов, ни в коем случае не переставляться. Какой же это свободный порядок слов, это очень жесткое правило! Жесткость правила рангов почти такая же, как жесткость следования морфем внутри слова. Вы не можете переставить морфемы внутри слова, вы не можете сказать вместо какого-нибудь *пальчику* — *пальчуик*, нечего даже об этом разговаривать. Строжайшим образом должен быть сначала корень, потом суффикс, потом окончание.

Так вот, почти с такой же жесткостью вы не можете изменить порядок энклитик. Нельзя сказать *есмь ти*, только *ти есмь*. Это касается и любых других перестановок. Все эти восемь рангов должны следовать в порядке от первого до восьмого. Все привыкли, что внутри слова мы не вольны переставлять части, никто этому не удивляется. А части фразы, особенно если господствует идея, что перед вами язык со свободным порядком слов, — почему бы не переставить? Но при первой же такой попытке вместо древнерусской фразы получается фраза неправильная.

У нас в Новгороде на раскопках школьники любят поиграть в то, что они нашли грамоту. Сами что-нибудь такое нацарапают, с их точки зрения древнерусское. Так вот достаточно одной перестановки энклитик, если они там случайно встретятся,

чтобы уже больше ни о чем не разговаривать. Вообще, чтобы успешно подделать древнерусскую надпись, нужно столько всего знать, что пока что никому из них это ни разу не удавалось. Правда, наши школьники не такие зловредные, они не стараются всерьез нас ввести в заблуждение, они хотят просто немножко посмеяться. И для лингвистов это тоже хорошее испытание: сколько времени пройдет, пока ты поймешь, что имеешь дело с фальшивкой. Как правило, очень немного.

Вот еще красивые примеры из летописи:

Сей ми зимы и весны нельзя на конь к тебе всести (то есть «мне нельзя, невозможно подняться на помощь к тебе в конный поход в эту зиму или весну») — это отвечает как раз венгерский король, которого просят о помощи. *Сей ми зимы и весны* — видите, где стоит *ми*? Тут слово *ми* «мне» вторглось между *сей* и *зимы*. Примерно так же, как в случае *Иван же Петрович*. Закон Вакернагеля требует, чтобы энклитики стояли после первого ударного слова. Заметьте, что этот закон совершенно игнорирует синтаксическую структуру фразы. Так, *ми* вторгается между словами *сей* и *зимы*. Почему? Потому что по закону Вакернагеля энклитики стоят в конце первой тактовой группы, а не там, где находятся в структуре предложения. В структуре предложения этому *ми* место совершенно в другой его части (при слове *нельзя*), а вставляется оно механически по закону Вакернагеля.

Еще один красивый пример. Вот старший из двух конкурирующих за одно и то же почетное место князей говорит младшему: *Аз уже бородат, а ты ся еси родил*. Понимаете? «Когда ты родился (*ты ся еси родил*), я был уже бородат». О чем разговаривать — вот какова разница между нами! *Ты* здесь — первое ударное слово, *а* — проклитика, и она, естественно, не составляет номера. Дальше — *ся еси родил*. Напоминаю: *ся* — седьмой ранг, *еси* — восьмой ранг. Никакой свободы: никакого другого порядка быть не может.

Еще примеры: *яз ти ся кланяю* — это вы уже легко опознаёте, это похоже на то, что было. *Ты ся с моим отцом сам ведаешь*.

Это всё княжеские переговоры. Здесь глагол *ведаться*, то есть с кем-нибудь переведаться, договориться, найти разрешение спорных проблем. Опять-таки *ты ся*, а дальше идет длинная фраза: *с моим отцом сам ведаешь*. Сейчас, конечно, нужно сказать *ведаешься, рассчитываешься*.

Или такая фраза из завещания XIII века: *было же бы ми чем заплатить. Было же бы ми: же* — первый ранг, *бы* — пятый ранг, *ми* — шестой ранг. Всё совершенно безупречно идет в порядке рангов.

Этих примеров достаточно. Теперь, после того как я вас очень настойчиво убеждал, что энклитики всегда помещаются на второе место в предложении, пришла пора рассказать, что иногда и нет. Потому что язык — механизм сложный, и нередко бывает так, что на первом этапе изучения всё как будто бы очень чисто соблюдается, а в дальнейшем обнаруживается нечто, внешне выглядящее как исключение. Но обычно эти исключения не случайны, а подчинены некоторым другим, более тонким правилам. И вы сами понимаете, что тогда это не исключения, а просто перед нами более сложная система, чем мы решили сначала.

Так и есть в данном случае.

Вот я вам приведу пример из современного русского языка, где частица *же* не на втором месте. *Вчера Петя же этого еще не знал*. В том смысле, что Петя не виноват, что он чего-то должного не сделал. Здесь *же* стоит не на втором месте, а на третьем. Нормальная русская фраза, правда? Я никакого насилия над языком не произвел. Особенно естественно звучащая, если я сделаю маленькую паузу (почти ничтожную) после слова *вчера*: *Вчера | Петя же этого еще не знал*.

Вот в этом и состоит подход к тому более тонкому правилу, которое тоже действует в языке и которое является важным дополнением к закону Вакернагеля. Если его не знать, то кажется, что закон Вакернагеля — это довольно приблизительный механизм: энклитика может стоять на втором месте, но иногда